Голос ностальгии

– Леонид Вениаминович, вы сейчас, как и в 80–90-х годах, более чем востребованы: переводите фильмы и сериалы, ведете программу на «Серебряном дожде», свой проект на телеканале «Ностальгия» под названием «Назад в СССР». Вы действительно хотите вернуться в СССР, а иначе почему согласились вести эту программу?

– Мне было интересно попробовать. С удовольствием этим занимаюсь. А самое главное, чтобы тебе было интересно.

– А вас не смущает, что вы работаете на канале с достаточно узким кругом зрителей?

– Надо же с чего-то начинать. Мне хотелось попробовать себя на телевидении. И, наверное, было бы невероятным, если бы меня без опыта постоянной работы на телевидении, сразу пригласили на большой канал. Потому что те документальные фильмы, где я был сценаристом и ведущим, нельзя назвать опытом постоянной работы на ТВ.

– Так почему же вас все-таки влечет назад в СССР? Какая концепция у этой программы?

– Концепция программы – вспомнить о том, какая была жизнь в Советском Союзе, и постараться это сделать максимально объективно. Я не хочу возвращаться обратно в СССР. Невозможно в одну и ту же реку войти дважды. На телевидении ведь уже все придумано. Может, где-то под Чикаго или недалеко от Пензы растет мальчик или девочка, которые все перевернут. А я не вижу большой нужды усложнять какие-то простые вещи.

– Вы готовитесь к программе?

– Обязательно. Я встречаюсь с незнакомыми людьми, со своими друзьями – с моими ровесниками. Программа ведь несет характер воспоминаний. Вот, например, один из выпусков был посвящен джинсам. Ну кто мне обстоятельно расскажет про джинсы? Никто. Вот мы и сидим вместе, вспоминаем каждый свое, зрители в студию звонят и тоже делятся своими историями. Интересно, что эти по сути рабочие штаны очень много значили для советского человека.

– Похоже, тема ностальгии по советскому времени неисчерпаема, пока живут те, кто его помнит?

– Конечно. Можно говорить о чем угодно: например, об одежде того времени – мы можем разделить одежду на обувь, на рубашки, на шнурки. И это будет неисчерпаемо. Но насколько быстро это надоест зрителю – другой вопрос.

– На кого же вы ориентируетесь? Кто ваш зритель?

– Я ориентируюсь на всех, кому это интересно. Почему я взялся за эту тему? Потому что, с одной стороны, появилась группа людей – многочисленная, крайне крикливая и, к моему сожалению, весьма и весьма присутствующая в средствах массовой информации, – которая пропагандирует такое мнение, что в советское время был сплошной ужас, что рядом с каждым стоял автоматчик в форме НКВД и внимательно следил за ним, что все мы жили в таком мифическом «совке». Но я-то жил не в «совке», а в Советском Союзе. И все мои друзья и знакомые жили в Советском Союзе. Ты можешь жить, где угодно, но ты должен вести себя достойно. А вот эти люди с пеной на губах доказывают, что все было черным-черно. С другой стороны, появилась еще одна группа людей, которые слишком уж ностальгируют по тому времени и считают, что тогда все было медом намазано. Это тоже неправда. Потому что было очень много хорошего, но и плохого тоже было много.

И, в-третьих, появилась еще одна группа, самая важная, она вообще не знает, что было тогда. Эти люди родились, предположим, в 1980-м году, а в 1985-м уже началась «катастройка», как называет это писатель Александр Зиновьев. Они другого не знают и другого не видели. Вот если они захотят, если им будет интересно, то программы телеканала «Ностальгия» и передача «Назад в СССР», в которой я являюсь ведущим, расскажут, как это было на самом деле. У меня есть своя точка зрения, и я ее буду отстаивать. Ведь люди ничего не узнают по книгам. Ну не будет книги, в которой напишут про джинсы, в которой будут описаны реальные чувства и мечты людей той эпохи. Новое поколение просто не поймет этого. Оно не поймет, что походы на первомайскую демонстрацию и 7 ноября были обязаловкой. Но тем не менее люди ходили туда и почему-то никаких отрицательных эмоций не испытывали.

– Не слишком ли сейчас романтизируется прошлое?

– Это одна из опасностей, которой надо избежать. Я повторюсь: цель не только нашей передачи, но и любых воспоминаний о Советском Союзе – это максимально объективное воссоздание того, как все было на самом деле: в чем мы ходили, как люди доставали продукты, какое место занимал автомобиль в жизни советского человека и так далее, и так далее.

– А касаетесь ли вы в своей программе политики?

– Нет. Для этого существуют другие программы. Но это не означает, что у меня нет своего взгляда на политические проблемы того времени. Мне вообще кажется, что история сталинских времен и оценка роли Сталина так до сих пор и не получила еще объективного освещения. Если ограничиться общеизвестной истиной, что Сталин был тираном и палачом, с чем я полностью согласен, и не сказать о том, что он был великим политическим деятелем, такое было бы, мне кажется, неправильным. Также на более раннем периоде истории мне не нравится какая-то идеализация царской России. Ведь все знают, насколько слабы были большевики, но царская империя прогнила настолько, что малейшего толчка хватило для ее крушения. И только в этой обстановке большевики смогли захватить власть, которая просто валялась на дороге.

– Как вы считаете, через 10 лет будет ли так же романтизировано наше время, как сейчас советская эпоха?

– Романтизировано ничего не будет ни тогда, ни сейчас. Если мы берем тему вторжения в Афганистан, то здесь можно спорить: надо было, не надо было вводить, как надо было действовать на оккупированных территориях. Это тема серьезная, и ее, как не пытайся, не романтизируешь. А в бытовых вещах человек всегда помнит только хорошее, особенно о временах своей молодости. Человеческая психика устроена таким образом, что если он будет помнить только плохое, то вскоре тронется умом.

– Ваше имя стало синонимом «голоса из подполья» и во многом вы приобрели черты живой легенды. Наверняка вас не раз приглашали вступить в какую-нибудь партию, чтобы «прокатиться» на вашей славе? Как вы на это смотрите? У творческой элиты сейчас это в моде.

– Никогда ни в какой партии не состоял и вступать не собираюсь. Я не знаю, чем руководствуются люди творческих профессий, но я ни в коем случае не хочу никого судить. Мы все решаем сами за себя. Ты принимаешь решение и живешь его последствиями. Мне кажется, что главное оставаться порядочным человеком.

– А раньше политическая элита была другой? Вас наверняка часто приглашали на закрытые просмотры запрещенных тогда зарубежных фильмов?

– Мне никогда не доводилось переводить фильмы для советской политической элиты. Для этого, думаю, существовали совершенно определенные люди, в чьи обязанности такая работа и входила. Максимум это был завотделом ЦК, еще какие-то чиновники того же уровня, но я с ними не общался, пришел, перевел и счастливо.

– Вы помните примерно, сколько всего фильмов за свою жизнь перевели?

– Тысяч шесть будет.

– Вы еще не вывели законы успеха фильма?

– Если бы это было так, то я бы уже сидел в Голливуде, и ко мне стояла бы очередь до горизонта из начинающих сценаристов. Секреты успеха не знает никто. Историй, как из, казалось бы, неудачного сценария, неяркой темы получались шедевры, можно нарассказывать миллион. Ведь на «Крестного отца», на «Звездные войны», на «Инопланетянина» все отказывались давать деньги. Боялись прогадать. Есть в Голливуде такая страшная фраза: ОНИ не хотят смотреть ваш фильм. Ты можешь пригласить знаменитого сценариста, снять звезд, вбухать кучу денег, а ОНИ все равно не пойдут смотреть картину.

– А правда ли, что звезды правят бал в Голливуде, под них выбираются сценарии, партнеры?

– Есть братья-близнецы, которые ненавидят друг друга – это киностудии и звезды. Вот покажите мне человека, который стоит за год съемок 20 миллионов долларов плюс проценты за прокат.

– Джулия Робертс в конце прошлого года в очередной раз была признана самой высокооплачиваемой актрисой.

– Высокооплачиваемой? Конечно, но вы можете назвать ее лучшей актрисой? Я не могу. Мне кажется, в мире много киноактрис, которые умеют играть лучше, чем Джулия Робертс.

– Вам, как профессионалу от кино, не страшно смотреть на его эволюцию – от Серджо Леоне до потоковых боевиков?

– Значит, сейчас такой заказ, заказ на молодежное кино. Ведь кто ходит в кино? Преимущественно люди до 25 лет. Но несмотря на то что сейчас идет, как я ее называю, «эпоха «Титаника», работают Такеси Китано, Кустурица, Алексей Балабанов.

– Кто ваши любимые режиссеры?

– Это и Висконти, и Серджо Леоне, и ранний Коппола.

– А Спилберг?

– Мне кажется, у него был выбор, чем заниматься. То ли идти по направлению «Индианы Джонса», и в этом нет ничего страшного, или снимать «Дуэль» и «Империю солнца». Он выбрал путь «Индианы».

– Ну а «Список Шиндлера», «Искусственный разум»?

– Ой, по сравнению с той же «Империей солнца» – это немасштабно. За фильм, например, Лукино Висконти «Семейный портрет в интерьере» – не лучший в его творчестве – любой бы режиссер душу дьяволу продал. Тот же Тарантино. Он ведь никогда ничего больше в кино не сделает. Я недавно попробовал пересмотреть «Криминальное чтиво» – не пошло. Но Тарантино – гениальный специалист по рекламе и маркетингу. И он продает себя как скучающего гения: «Я могу, но мне сейчас это неинтересно» – а он-то и не может. Помнится, за приз Каннского фестиваля с «Криминальным чтивом» соревновались «Утомленные солнцем» Никиты Михалкова. Победил Тарантино. Михалков – талантливый режиссер и, может быть, даже великий актер. Я его очень уважаю. Но портрет Сталина в финале фильма – это, по-моему, перебор. А Тарантино был тогда молодым американцем, несколько раз больно лягнувшим в своем фильме Америку, – вот нужный набор для победителя Каннского фестиваля.

– Как, по-вашему, режиссер-документалист Майкл Мур достоин высших кинематографических наград, того же «Оскара»?

– «Оскар» – дело политическое. На сегодняшний день, вы же видели результаты голосования на выборах президента Америки, страна расколота надвое. Так что у Мура очень большая зрительская аудитория. Мур, по-моему, – абсолютно честный человек. Сказать, что я в нем увидел черты гения, я не могу. Но дай бог всем, кто хочет выразиться на какую-то политическую тема, снять свой документальный фильм.

– Каков сегодняшний уровень перевода фильмов?

– Уровень на сегодняшний день очень низкий. Мне по работе приходится много смотреть фильмов. И могу сказать, что профессиональные переводчики, переводчики хорошего уровня, за те гонорары, что им предлагают в кино, работать не будут. И не работают. За редким исключением. Я об этом так спокойно говорю, потому что я сам этим уже не занимаюсь и имею право судить.

– А что вы скажете по поводу популярного нынче переводчика Гоблина?

– Очень способный, добросовестный человек. Может быть, я согласен не со всеми его переводами, но это всего лишь мое личное мнение. Он человек творческий и имеет полное право работать так, как считает нужным.

– Может, вам тогда открыть собственную школу кинопереводчиков?

– Да нет. Хороших переводчиков достаточно, но никто из них – это я могу сказать совершенно ответственно – за те деньги, которые сегодня платят за перевод, не будет этим заниматься. Это же не технический, а художественный перевод. А платят за это всего 50–60 долларов за час экранного времени, приблизительно столько же стоит перевод авторского листа художественной литературы, а это 24 страницы А4. Зачем переводить книгу или фильм? Ведь это ответственное дело, оно останется после тебя. Ты можешь перевести рассказ в глянцевый журнал и получить за это гораздо больше. И поэтому в эту открытую дверь ломится колоссальное количество людей, которые понятия не имеют, как переводить. Они просто думают, что если они знают русский и английский – я еще сомневаюсь, что они хорошо знают эти языки, – то могут стать переводчиками. Не могут...

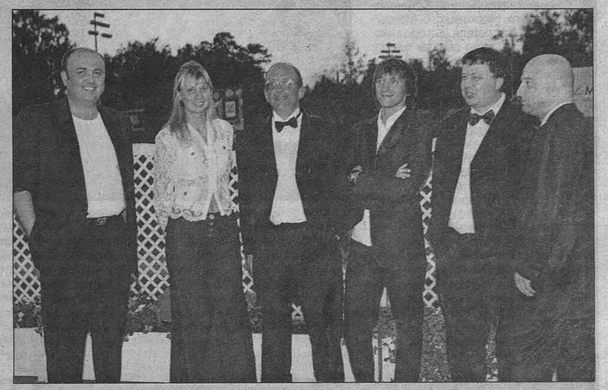
– Как вы относитесь к титрованию фильмов вместо актерского дубляжа?

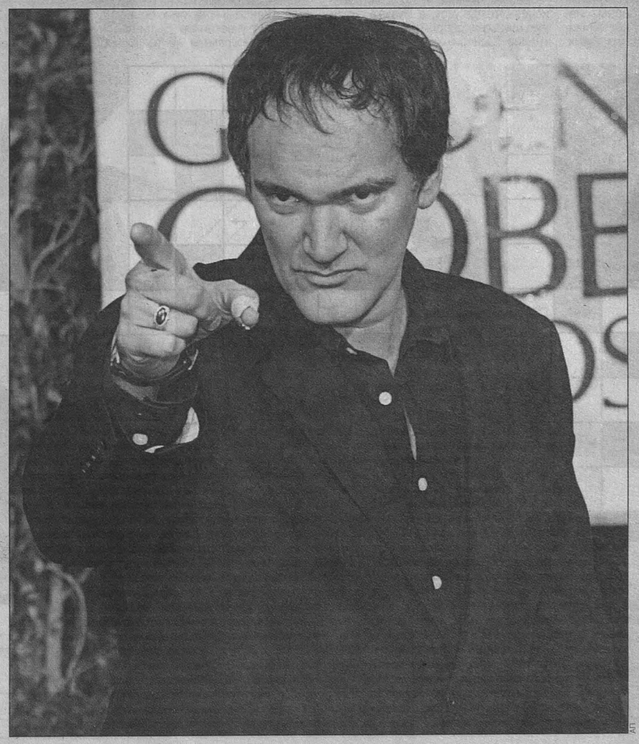
– Я не знаю, чего хотят зрители: хотят ли они полного дубляжа актерами, хотят ли, чтобы была слышна фонограмма, хотят ли слышать голос переводчика или просто читать титры. Но титры – это все же крайний случай. Потому что сложно следить за развитием сюжета, мизансценами и при этом еще и читать подстрочный перевод. Да люди в метро страницу Донцовой и иже с нею читают по 20 минут! И вы хотите, чтобы они читали титры и смотрели фильм одновременно?!

Валерия ВАЛЬЦОВА

ИЗ ДОСЬЕ

Леонид ВОЛОДАРСКИЙ, переводчик, радио- и телеведущий. Владеет английским, французским, испанским, итальянским языками. Родился в Москве в 1950 году. Языками занимается с 4 лет. Его отец был преподавателем английского языка. Окончил Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза. Работал в Институте Африки АН СССР, затем в Институте международного рабочего движения АН СССР. Переводами фильмов занялся в 1968 году. Сначала работал на кинофестивалях, затем с приходом эры видео его перевод стали записывать на видеокассеты. Пять лет проработал переводчиком на «Мосфильме». Бывало, переводил до 15 фильмов в день. Мастерство Володарского состоит в том, что он способен переводить фильм синхронно, даже порой без использования монтажных листов. Его голосом говорят Сталлоне, Шварценеггер и Эммануэль. Автор многочисленных переводов английской, американской художественной литературы. Первым перевел на русский Стивена Кинга, в журнале «Юный техник» был напечатан рассказ Стивена Кинга «Сражение». В конце 80-х сам написал политический детектив «Снег» из Центральной Америки». В 2001 году выступил сценаристом и ведущим 10-серийного телефильма «Разведка, о которой знали немногие», о советских разведчиках 20–30-х годов на телеканале «Культура». Сотрудничал с НТВ: перевел, в частности, отдельные серии «Любви и тайн Сансет-бич», «Полиции Майами», «Клана Сопрано» и весь сериал «Клиент всегда мертв». Ведет программу «Назад в СССР» на телеканале «Ностальгия» («НТВ+») и утреннее шоу на радиостанции «Серебряный дождь».





Я недавно попробовал пересмотреть «Криминальное чтиво» – не пошло. Но Тарантино – гениальный специалист по рекламе и маркетингу. И он продает себя как скучающего гения